

Марина Ганфайтер

**Живи,
Донбасс!**

Марина Ганфайтер **Живи, Донбасс!**

<https://litres.ru/74177883>

SelfPub; 2026

Аннотация

2014 год изменил жизнь людей Донбасса, сделав их решительнее, выносливее, добрее.

Марина Ганфайтер

Живи, Донбасс!

Живи, Донбасс! Живи, Донбасс!

Ты заслужил на это право.

Ты отчий дом для всех для нас,

Ты наша гордость, наша слава!

Живи, Донбасс!

Марина Ганфайтер

Расстрелянная Терема

В среду на первом уроке школу облетела сногшибательная новость: в 6 часов утра к дому учительницы химии подкатили опель и микроавтобус, из автобуса выскочили несколько военных в балаклавах, с автоматами, и побежали во двор, следом направились трое в штатском из автомобиля. Учительницу с какой-то тряпкой на голове вывели на улицу, затолкали в автомобиль и увезли. Ошеломлённый муж арестованной остался стоять у раскрытых настежь ворот.

За что? – этот вопрос витал в стенах школы целый день. Задавать его громко никто не решался, произносилось всё шёпотом и в небольших группках, где доверяли друг другу.

В 9 класс новость принёс Евсеев Никита:

- Слышал, - толкнул локтем Борьку и шлёпнулся на свободное рядом с ним место,- химичку нашу замели. Сепаратистка.

Борис, ещё не совсем проснувшийся, только хмыкнул, мол, шутку оценил. Учительница хоть и вредная, чересчур строгая, но ему ставила 5 баллов и на то, что он учительский сын, плевать хотела. Учишь – получай!

- Так ей и надо, гадине, - продолжал гнуть своё Никита. – Всё ко мне цеплялась, двойки ставила, ещё и зудит: «Ты можешь учиться лучше, у тебя память прекрасная». Если она такая прекрасная, то какого ж ты хрена мне двойки ставишь?

Сообразив наконец, что Никита не шутит, Борька спросил:

- А ты откуда это знаешь?

Никита неопределённо повёл плечами, ничего не ответив и не объяснив, всё продолжал смаковать новость:

- Говорят, она корректировщица, сведения передавала.

Тут уж Борька откровенно заржал, чем разбудил сидящего за столом историка.

- Что там у вас такое? – очки Дмитрия Поликарповича грозно скользнули до самого кончика носа. – Евсеев, сядь на своё место!

Никита нехотя поднялся и пошагал к своему стулу, как раз за спиной Бори, уже оттуда продолжал комментировать:

- Я знаю, раз говорю. Дочка у неё живёт в этой дэнэре, че-

рез неё она и сообщала. И вообще, разве ты не помнишь, что она по-русски уроки вела? А должна была по-украински...

- Ты тоже по-русски говоришь, так что, и ты сепаратист?

Никита тут же ткнул товарища кулаком в спину. И, словно в подтверждение того, что это для него оскорбление, водрузил поверх рубашки вытянутый из-за пазухи кулончик в форме трезубца. «Ещё один ярый патриёт», – подумал Борис.

К разговору мальчишек какое-то время прислушивалась Ирка Зеленская, сидящая в соседнем ряду. Воспользовавшись тем, что историк повернулся спиной и искал на карте только ему интересную реку, Ирина подскочила к мальчишкам и добавила свою порцию слухов:

- Она пенсионерка, на её место давно уже молодые метят. Вот кто-то и постарался, написали или позвонили – и всё, место свободно.

Уже второй день об учительнице ничего не слышно, домой она не возвращалась, телефон её отключён. Всполошившиеся коллеги даже не пытались связаться с её мужем, расспросить его, где же Светлана Романовна. Он-то должен знать! Но оказалось, что он тоже ничего не знает, увезли – и с концами. Пропал человек. Враги откровенно радовались, а считавшиеся друзьями старались остаться в стороне, словно ничего и не случилось.

Радовался почему-то и Никита, сказал Ирке со злостью:

- Пугала нас экзаменами, говорила: плохо будете учиться – не сдадите. А вот теперь тебе! – и, растянув в ухмылке тонкогубый рот, он победно, почти под нос девчонке выставил пятерню с поднятым средним пальцем. Покрутив пальцем у виска, Ирка убралась восвояси, а мальчишки продолжили играть в карты.

Борька, как обычно, слушал друга молча, хотя в нём уже начинал закипать протест. Мысли его неожиданно выразил Данил Коваленко:

- А мне её жалко. Сколько ей лет? 60?
- Больше, - ответил Радик. – 63, как моей бабушке.
- Какая же она преступница? И что такого могла сделать? Я понимаю ещё, если парень, если молодой, а то – 63! Бандюков не ловят, у нас вон на плотине два дома отдыха раскурочили, всё выдрали да вывезли. Даже катамаран на прицеп погрузили и спёрли. И ничего! Потому что там Правый сектор орудовал, их они не тронут. А тут учительница, пенсионерка, взвод с автоматчиками прислали. Дурдом! Смешно просто...

Борис возмутился:

- Ничего себе смешно! Человека забрали, и никто не знает, где она. Мама говорит...
- Хватит ныть! – перебил Никита. – Нашли кого пожалеть. Пошли уже на урок, пока классная не припёрлась...

Карты спрятали под подоконником в подвале, где обычно играли на переменах, и поплелись на последний седьмой

урок. Борис ничего не сказал ребятам, но в голове его уже зрел план...

На следующий день директор школы, сидя в кабинете, занимался годовым отчётом, то и дело вызывая к себе то секретаря, то завуча, то учителей, когда дверь кабинета отворилась и без всякого стука вошёл девятиклассник Борис Хоченков.

- Чего тебе? – не глядя, бросил в его сторону директор.

Парень достал из-за спины какую-то бумажку и положил перед директором на стол.

- Вот, возьмите, почитайте. Мы это хотим передать куда надо...

- Куда надо, - повторил машинально директор за ним, не отрываясь от своих документов.

- Я не знаю, куда... В службу безопасности, наверное, или в эту... как её... администрацию военную...

- Ку-да? – директор, забыв про отчёт, уставился на мальчишку, потом перевёл взгляд на листок и начал читать:

« Мы, ученики... ммм... школы просим отпустить нашу учительницу Светлану Романовну Чалую, так как она ни в чём не виновата. Можем поручиться за неё» ...

- Та-а-ак, - протянул директор, думая о чём-то, отложив листок, внимательно, пристально взглянул на девятиклассника поверх своих очков в дорогой оправе. – И кто всё это придумал?

- Я, - твёрдо ответил Борька, глядя не на директора, а куда-то в сторону.

- А кто подсказал?

- Никто. Я сам. Ребята подписали. Там 18 человек, можем ещё больше, надо только поговорить...

- А ты вообще соображаешь, куда сунулся? - забыв о том, что кричать ни в коем случае нельзя, не дай бог кто подслушает под дверью, - он всё же сорвался на крик. – И чем это всё может грозить тебе, мне? Ты...ты понимаешь, в какое время мы живём? Да если это всё пойдёт, - директор потряс в воздухе листком с подписями, - от тебя мокрого места не останется! У тебя мать – учительница! Ты о ней подумал? Хочешь и её работы лишить? Или чтобы и за ней вот так приехали?!

- Но ведь это же ошибка! – не сдавался Боря. – Вы же не думаете, что там что-то серьёзное. Она ведь нас учила! И маму мою она тоже учила. Вы всегда хвалили её, говорили, что она хороший учитель. А теперь что? Вы учите нас одному, а сами поступаете наоборот?! Ведь так нельзя, кто-то же должен за неё заступиться!

Ничего не добившись от мальчишки, директор вызвал в кабинет его мать, Ирину Николаевну, учительницу русского языка.

- Вы вообще-то в курсе, чем занимается Ваш сын?

Ирина Николаевна оказалась «не в курсе», сын с нею не советовался. И вообще последние два года его не узнать: стал

вдруг слишком самостоятельным, несговорчивым, обо всём у него своё мнение. Узнав от директора подробности, Ирина Николаевна и растерялась, и испугалась, чего-чего, но такого от сына она не ожидала. Директор, конечно, в её неведение не поверил и попробовал припугнуть:

- Вы же понимаете, что просто так у нас людей не арестовывают, значит, есть за что. А тут тебе письмо, да ещё от детей, мол, не доверяем власти. Чем всё это обернётся? Кто поверит, что мы тут ни при чём, что это не наша инициатива, подумают, что детьми только прикрываемся. Что будет с Вашим сыном? Поговорите с ним, объясните, убедите, прикажите наконец, пусть оставит свои глупые затеи. Мне всего год остался до пенсии, я ещё доработать хочу и поработать потом, если получится, а не сесть в тюрьму по милости Вашего сына. Да и Вам там, – он показал пальцем вверх, – напомнят, какого сына Вы воспитали. Милочка, дорогая Ириша, поговорите с Борей, он должен понять...

Разговор с сыном Ирина Николаевна долго оттягивала, не знала, как и подступить, какой тон взять. Сын может просто встать и уйти, даже отвечать не станет. Изменился он очень, повзрослел. Всегда был маминым сыночком, она в школу – и он за нею хвостом, драться не умел, за себя постоять не мог, каждая девчонка в классе его обижала, помыкали им, а тут – на тебе! Такую кашу заварил! И когда же он успел так измениться?

Но начинать разговор всё равно надо. Она дождалась, пока он выучил уроки и уселся за компьютер, присела рядом в кресло, погладила сына по затылку, он слегка поёжился.

- Борь, - начала издавека, - Скоро лето, каникулы. Куда отдыхать поедем?

- Мне всё равно. Хорошо бы к морю. А можно и к бабушке в Гадяч.

- Я с директором сегодня говорила...

Парень сразу всё понял:

- Мама, можешь не продолжать, я не изменю своего решения. И ребята – со мной.

- Сынок, неужели ты действительно веришь, что вашим письмом можно что-то изменить? Веришь, что её отпустят, если вы попросите? Это не поможет, Боря...

- Пусть! – сын начинал горячиться. Утром директор, теперь мама. – Пусть не поможет! Но я буду знать, что я не сволочь, я не остался в стороне, я что-то делал, пытался делать...

- Но Боренька...

- Не надо, мама, я знаю, что ты хочешь сказать. И знаю, что ты чувствуешь. Но это мой выбор, понимаешь? Ты пойми меня: я не смогу жить дальше, зная, что мог что-то сделать и не сделал. Второй раз я уже не смогу!!

Мать вздохнула и отступила. Она поняла, что хотел сказать её сын. Вот она и всплыла, та, как ей казалось, уже забытая история с Вадимом. Сын ни разу с тех пор не вспоминал

о ней, казалось, рана зажила, как заросла травой и Терема... Ан нет, не зажила рана, дала о себе знать...

Случилось это в мае 2015-го. Летние каникулы были не за горами, дома усидеть трудно. Почти невозможно. Малыши давно уже купались в ставке за селом, ребята постарше ловили рыбу, раков. Рыбы там пруд-пруди, сама на крючок просится. Борис же собирался с Никитой в Терему, оставалось только забежать за Вадимом. Раньше они в Тереме в войнушку играли среди удобно разбросанных плит, скифских курганов, подступающих к старой урановой шахте. Взрослые эти места обходили стороной: радиация, шахту ведь и не закрыли совсем, а просто залили водой. Ребятам же Терема как Counter-Strike, и живописна, и разгуляться есть где.

Мальчишки зашли за Вадимом, тот был дома, но мама ему строго-настрого приказала из дома ни ногой. А как тут усидишь, когда Борька и Никита припёрлись с утра, у Никиты с собой самопал, хотели испробовать своё оружие, уж там-то выстрелов не будет слышно никому. Не выдержал Вадик, натянул свою любимую бейсболку, додумался в рюкзак холодного кваса сунуть, ещё прихватил кусок хлеба с салом.

Что же это такое – Терема? Это заброшенные базы, где раньше колхоз держал лошадей и коров, а вокруг – разнотравье, чего только нет: и зверобой, и душица, и синие головки шалфея, и ромашковые поляны, и алые островки мака. А какие там грибы! По весне – сморчки, а с летними дождями

– синеножки, огромные, несколько штук набрал – и пакетик полон. Речка бежит бесшумно, почти не видна за камышами, но рыбы в реке столько, что вода серебрится от её чешуи. Среди полян возвышаются небольшие скалы, скифские холмы, и ковыль волнуется на курганах, и чертополох пролетает мимо, так и хочется побежать за ним! А вечером, когда солнце утопает в реке, можно сесть на лугу, заслушаться птиц и забыть, куда и зачем ты шёл...

Увы, теперь же Терема другая, не столь приветлива. Она была нейтральной полосой, не принадлежала ни этим, ни тем, диверсионные группы её обходили, мин не ставили, там вся местность на километры просматривается.

Ползая вокруг плит, представляя себя то сепарами, то нациками (так обычно зовут бойцов Национальной гвардии), мальчишки наткнулись на груды осколков. Точнее, напоролись. Борис, отползая к реке, почувствовал, как что-то больно обожгло бедро. Осколок оказался большим, довольно тяжёлым, с неровными рваными краями, не дающими взять его в руки и хорошенько рассмотреть. Осколками снарядов мальчишек не удивишь, много их валяется на улицах села, но таких больших и необычных они ещё не видели. Один из них, поменьше, Вадим запихнул в рюкзак, «на память», как объяснил.

- Ничего себе осколочек! – восхищённо рассматривал Борька находку. – Это ж какие должны быть снаряды! Такой бабахнет так бабахнет.

- А кто ж тут стреляет? – Вадим начал озираться, но не увидел ни сушек, ни другой арты поблизости. - А вдруг и в нас сейчас пальнут?

- Не гони! – Никита презрительно оглядел Вадика. – Кому ты нужен, чтобы в тебя стреляли!

- А вдруг, - упорствовал Вадик. – Вдруг за нами уже наблюдают?

Никто, конечно, за ними не наблюдал, и они опять увлеклись игрой.

На этот раз сепаром был Вадик. Ему дали три минуты, чтобы он спрятался или «окопался», как выражался Никита. Торопясь и слегка прихрамывая (натёр-таки ногу в старом кеде), Вадим направился к двум плитам, что поодаль опирались друг на друга. Старые, облупленные, с кусками торчащих в разные стороны железных стержней, они были идеальным местом для «схованки»: неприступные, только щуплый Вадик мог протиснуться между ними. Что он и сделал, пробрался в самую середину и затаился в ожидании приближающегося врага. Врагом сейчас был Никита, он шёл в его сторону и громко предупреждал:

- Иду с самопалом. Если найду – открываю огонь на поражение!

Крадучись и сторожко прислушиваясь к каждому шороху, Никита обыскал всю поляну, осмотрел одну за одной все плиты, заглянул даже в заброшенный колодец шахты, но Вадика не обнаружил. Борис искал Вадима в другой стороне,

у верб, но также безуспешно. «Сепар» словно сквозь землю провалился.

- Вот куда его понесло? – недовольно бубнил Никита. – Охота лазить, ноги ломать. Эй, ты! – крикнул он. – Выходи! Мы знаем, где ты!

Вадик не отозвался, но не успел ещё Никита договорить, как внезапно раздался страшный треск, потом вырос столб серой пыли, и на глазах у мальчишек две поддерживающие друг друга плиты, как две руки, легли одна на другую и замерли. Когда мальчишки подбежали к рухнувшим плитам, первое, что они увидели, - откатившуюся в сторону бейсболку Вадика, красную с белой полосой на козырьке. Из-под завала не спеша, точно не решаясь показаться, выбегала тонкая красная струйка...

- Вадька, - прошептал Борис, оглянулся на Никиту, с ужасом отступил назад, подальше от плит, а потом словно что-то рвануло его и бросило к обвалу. – Вадим! – кричал он, - Вадим!!!

Никита остался стоять, молчал, что-то обдумывая, на что-то решаясь. Он не плакал, не кричал, не приближался к страшному месту, он только произнёс одну фразу, которую Боря даже не услышал, сказал едва слышно, как бы разговаривая сам с собой:

- Вот и ещё одним сепаром стало меньше...

Потом он подошёл к Борису и тихо, но твёрдо произнёс:
- Ему уже не поможешь. Он умер. А вот что нам делать?

Говорить, что мы тут были, нельзя. Его родители не знают, что он с нами. И ты молчи... Если спросят, не видели ли мы его, скажем: не видели. И всё. Никто ничего не узнает.

Борис обернулся, глянул на Никиту, как на сумасшедшего. Неужели он и вправду может так поступить? Но Никита всё говорил и говорил, слова его начинали доходить до сознания парня. Их могут посадить. Никто не станет разбираться, как он оказался под завалом, всё свалят на них. А у Никиты уже были проблемы с милицией, больше он не хочет таких проблем. Да и ему, Борьке, они не нужны. Поэтому единственным выходом остаётся молчание.

Борис не понимал, как Никите удалось убедить его уйти оттуда, из Теремы, оставив всё как есть.

Но одно дело – уйти, а другое – забыть. Забыть не получалось. Память то и дело подбрасывала то злополучную бейсболку на траве, то оставшийся там, на поляне, рюкзак с любовно сбережённым осколком...

Вот уже и мама пришла с работы, спросила, завтракал ли он, заторопилась в магазин. Боря сидел, забившись в угол дивана, не отвечая на вопросы, глядя в одну точку, его нервно стиснутые руки дрожали. Мама почувствовала что-то неладное, присела рядом, коснулась рукою его плеча, заглянула в глаза... Ничего спросить не успела, слёзы словно прорвали невидимую преграду и потекли, потекли...

В окно кто-то постучал, бабушка вышла, но тут же вернулась и спросила у внука:

- Борь, Вадик к нам не заходил? Там его мама спрашивает. ... К Тереме не шли, а бежали, ехали на велосипедах, машинами.

Оказалось, что Вадим умер не сразу, он ещё долго дышал. Мама тогда, как ни старалась, так и не смогла убедить сына в том, что он не виноват, что просто так случилось, плиты упали, потому что Терема стала местом пристрелки, мишенью на учениях. Там всё уже было пристреляно и расстреляно. А на месте Вадика мог оказаться, и он...

С тех пор прошло почти два года. История та, казалось, забылась. Борис вырос и никогда о ней не вспоминал. И вдруг эта фраза «Я не смогу пережить это второй раз»

Письмо школьники отправили. Подписалось под ним 29 учеников и 4 учителя. Из 9-го класса не захотел подписываться только Никита Евсеев. Не известно, дошло ли письмо и стало ли одной из причин последующих событий, но учительница математики вернулась домой. За несколько дней она поседела, постарела, потом ещё полгода лечилась у психиатра. На работу в школу учительница не вернулась. Мало с кем она делилась воспоминаниями, но один из говоривших с нею пересказал в учительской вот такой коротенький диалог:

- Что это было? Донос?
- Донос.
- И Вы знаете, кто это сделал?
- Знаю. Мне сказали в первый же день.

- Почему они Вам сказали?

- Наверное, думали, что я оттуда уже не выйду...

- Но Вас отпустили.

- У них ничего не было против меня, кроме диктофонной записи урока в 9 классе, остальное – слухи и домыслы. Спасибо всем, кто от меня не отказался...

В тот момент, когда шёл разговор, в учительскую заглянул Боря, ему надо было поставить классный журнал. Услышав начало рассказа, парень неожиданно для себя притормозил, не стал до конца открывать двери учительской, просто стоял и слушал. Упоминание о записи урока в их классе его ошеломило. Кто это мог сделать из его одноклассников? И тут ответ стал очевидным: Никита. Кто так радовался аресту? – Он. Кто первым сообщил новость, о которой никто ещё не знал? – Тоже он. Неужели это самая обычная месть за то, что двойки ему ставила? Остальные ж тоже ставили, не одна она... А сколько раз он упоминал о том, что там, на той стороне, живёт дочка математички?! Множество раз!

Подошедший Дмитрий Поликарпович уже какое-то время наблюдал за Борисом у двери, наконец решил его окликнуть:

- Хоченков, ты что, подслушиваешь? Тебя так интересуют разговоры учителей?

- Что Вы, я просто принёс журнал и постеснялся заходить, стою вот, жду...

- Чего ждёшь? Что получишь в лоб дверью? Давай свой журнал, я поставлю.

Никиту Борис отыскал на заднем дворе, где тот отбирал у малышей монетки. Подошёл и сразу, без вступления, спросил, глядя в глаза другу:

- Зачем ты это сделал?

- Не хватает у меня полтинника до хот-дога, вот со мной и делятся...

- Я не про это. Я про училку. Чем она тебе мешала?

На удивление, Никита не стал отпираться, только нехорошо усмехнулся и ответил, словно выплюнул:

- Надоела она. Всем, не только мне. На пенсию ей пора. Вот я и помог.

- А если бы её посадили? Или умерла?

Никита молчал, разглядывая ещё вчерашнего друга, и трудно было понять, о чём он думает. Говорят, глаза – зеркало души? Эти же глаза ничего не выражали: ни злобы, ни доброты, ни жалости, ни ненависти. Обычные пустые глаза. Даже красивые, но пустые...

Наконец Никита ответил, но совсем не то, чего ожидал от него одноклассник:

- Да, не химичку надо было толконуть, а твою мамашу. Все вы тут сепаратисты!

Борис не помнил, как ударил, вроде даже и не замахивался, но Никита отлетел назад, споткнулся и упал на четвереньки. Тут же рассыпался по всему заднему двору детский смех, малыши заливались и никак не могли остановиться.

На следующей перемене Хоченков стоял уже в кабинете

директора, Никита донёс или кто ещё, он не знал, но Евгений Иванович, теребя на носу свои очки, всё говорил и говорил, какой плохой он, Борис, как не умеет ладить с одноклассниками, как позорит школу и прочее, прочее, прочее.

Из школы его, конечно, не выгнали, он сам в последний учебный день пошёл к завучу и забрал документы. Маме заявил, что будет поступать в колледж. На её вопрос – какой? – пожал плечами и ответил, не всё ли равно.

Живёт сегодня Терема своей особой жизнью. Вроде бы, всё по-прежнему: бродят большие, жирные фазаны среди волнистых кустов; лиса-мама выводит на первую охоту огненно-рыжих детёнышей, отпугивая лаем любопытных; всё так же катится солнце, разрисовывая в алые тона скалы, и так же носятся стрекозы с одного берега реки на другой... Нет здесь только людей, забыли они сюда дорогу. Словно и вправду расстреляли её, Терему...

Так думал Борька, впервые за два года пришедший сюда. С того майского дня он не мог даже представить, что здесь окажется. Каждая тропка, каждый камушек знакомы ему и дороги. И даже эти плиты, всё так же лежащие там, где они обрушились. Странно, но чувство тоскливой вины почему-то не приходило, была только грусть, светлая, тревожная. Наверное, Вадим простил меня, - подумал он. Иначе не смог бы он вот так сидеть у этого места и говорить с тем, кого он здесь когда-то оставил.

Солнце было как раз в зените. Оно по-доброму застыло над головой парня, освободив его от пляшущих теней. Теперь всё будет зависеть только от него. А Терема... Терема его отпускает, не весь же век жить ему одной ею...

До рассвета

Раненая нога болела так сильно, что хотелось выть. Что боец и делал. Он примостился на небольшом холме среди поля и скулил, ощупывая непослушную ногу. Он не был ранен автоматной очередью или осколком взорвавшейся противопехотной мины. Скорее всего, это был вывих.

Их разведгруппа из пяти человек отправилась для изучения местности и выявления расположения противника. В этой странной войне всё было против правил: единого приказа от командования не было, а если он и издавался, то не всегда доходил до разрозненных групп, так как мешали проблемы со связью, потому и действовали бойцы, исходя из обстановки. И вот пятеро разведчиков, посланные на задание, оказались в полуокружении у группы укров, превосходящей их отряд раз в десять. Надежды на то, что уйдут с миром, просочившись из котла, не было никакой. Когда они остались один на один с врагами, те даже не стали применять оружие, просто шли на них нахрапом и, казалось, ухмылялись в предвкушении того, что они сделают с донбасскими ополченцами. Ополченцы отступали и не догадывались, что гонят их на заминированный участок.

Несмотря на напряжённый момент, взрыв мины под ногами одного из разведчиков стал неожиданным для них. И поскольку четверо из них пятились плечом к плечу, именно им и достался смертоносный металл, все четверо, как тряпичные куклы, были разбросаны взрывом в разные стороны и застыли, уже не видя ни чёрной осенней земли под собой, ни оплакивающего их неба. И только пятый, находившийся в стороне, взрывной волной был отброшен в неглубокий овраг и застыл, уткнувшись лицом в поросли горькой полыни.

Первых четверых укры осмотрели, убедившись, что выживших среди них нет, а на пятого махнули рукой и пошли себе дальше, только один из них снял с автомата магазин, бросив само оружие.

- Если ещё не сдох, - сказал один из укров, - то всё равно истечёт кровью. Пусть воронам достанется эта донбасская падаль!

Враги ушли, а ополченец ещё долго валялся без сознания, вдоволь надышавшись ароматами октябрьской степи.

В себя пришёл к вечеру, когда солнце уже начало топтать дорожку к горизонту. В октябре темнеет раньше, чем летом. Сначала ложится лёгкий туман, заволакивая лесопосадки, потом подбирается к торчащим из посевов редким кустарникам, затем уже стелется по земельке, ведя за собою ночь. Именно туман, крадущийся по обрыву, и привёл бойца в чувство. Открыв глаза, он не сразу понял, где находится и что с ним. Почему-то повеяло детскими воспоминаниями,

когда отец брал его с собой на рыбалку. Это там, у ставка, он мог вот так же часами валяться в траве. Особенно ему нравились полянки мягкого и ласкового спорыша, травы его детства.

Но овраг, в котором он пришёл в себя, был враждебным и сразу же вызвал чувство тревоги. В воздухе ещё ощущалась гарь от разорвавшейся мины.

Боец попытался встать на ноги, но тотчас упал, так как правая нога оказалась непослушной и малоподвижной, каждое её движение сопровождалось нестерпимой болью. Помог ему автомат, валявшийся тут же, в овраге. Опираясь на него, он кое-как выбрался наверх.

То, что он увидел, сжало сердце и заставило его учащённо биться: все четверо разведчиков лежали там, где их застала смерть. Боец понимал, что оставлять их, не предав земле, нельзя, не по-человечески. Много диких зверей с началом этой войны развелось по донбасским степям, много хищных птиц, которые обязательно отыщут эти останки и расправятся с ними. Но похоронить их он не мог. Чем выроешь могилу? Автоматом? Единственное, что он мог сделать и сделал, - это дотащился до лесопосадки и наломал веток с дикой абрикосы, буйно разросшейся среди других деревьев. Перетащил тела товарищей в одну грудку и прикрыл ветками. Пока трудился над этим, старался не думать, как быть ему дальше. Но вот и выросло зелёное надгробие, постоял немного над ним, прислушиваясь к далёкому гулу. Где-то на востоке шёл

бой. Наверное, такие же украинские каратели наступали на следующую группу донбасского ополчения. Известно было также, что появились партизаны на Донбассе, старались вредить ВСУ, перехватывали и взрывали их машины с топливом, останавливали волонтеров, везущих бандеровцам продовольствие.

Время шло, и надо было как-то определяться с тем, как поступить дальше. Конечно, надо добираться до своих, но где они сейчас, в какой стороне? Позиции сражающихся на фронте то и дело менялись, сегодня одни захватывают село, а завтра его отбивают другие. А жители при этом страдали, потому что обозлѐнные укры, забирая у ополченцев населѐнные пункты, вымещали своё зло на них, беззащитных жителях. И донести на тех, кто с радостью встречал ополчение, мог любой, желающих выслужиться перед украми хватало.

Боец решил не оставаться ночевать в поле, а потихоньку двигаться в сторону, где слышались раскаты артиллерии; полная луна помогала в этом, освещая дорогу.

Две огненные точки блеснули впереди. «Волк?» – подумал боец. Но светящиеся глаза замечались из стороны в сторону, и стало понятно, что это лиса с недоумением изучает возникший перед нею опасный объект. С верхушки дерева взлетела какая-то крупная птица, но немного покружила над бредущим и опять уселась на ветку.

Уцелевший шѐл в сторону, откуда не переставая слышались грозные раскаты. Раз там стреляют, значит, где-то ря-

дом должны быть свои.

Так он прошёл километра два, не спеша, преодолевая боль. Автомат служил ему вместо костыля. Только теперь боец заметил, что магазина в автомате нет. Как это произошло, он не понимал. Выпасть от удара при взрыве он не мог, кто-то его, видимо, снял, но зачем? Гадать над тем, как всё произошло, боец не стал, жалел только, что оружия у него теперь нет, АК и впрямь превратился в обыкновенный костыль. Ну, хоть припугнуть-то им врага можно будет!

Показалась на пригорке деревенька. Точнее, невзрачный хутор. Видать, молодёжь из него давно сбежала в город, остались одни старики. Потоптался он у калитки крайнего двора, не решаясь зайти. Время было уже позднее, наверное, часов десять. Точно он не знал, потому что телефона с солдатом не было, перед заданием они обычно оставляли телефоны у командира. Постоял, постоял и решился-таки постучаться в освещённое одинокой лампой окно. За цветной занавеской кто-то зашуршал, потом отодвинул её дрожащей старческой рукой и спросил:

- Кто там?

- Откройте, пожалуйста.

Через несколько минут щёлкнула задвижка на двери и в проёме показалась маленькая худенькая женщина. Она подслеповато оглядела парня и спросила:

- Чего хотите?

- Можно у вас отдохнуть часа два? И поесть, если нако-

мите. А потом я уйду.

Видно было, что женщина нервничает и не знает, что ответить, ещё и оглянулась, словно спрашивая разрешения у кого-то в доме. И тут на пороге показался, отодвинув в сторону старушку, высокий военный в украинской форме. Даже ночью, всего лишь при свете месяца, были различимы трезубцы на его шевронах.

- Интересная картина получается, - растягивая слова, промолвил военный. — Кого это к нам занесло? Уж не сепара ли? — и оглядел ополченца с ног до головы, заметил и автомат, на который тот опирался. Боец понял, что любое его движение будет встречено выстрелом, тем более что АК его пуст и ответить будет нечем. Он хотел попробовать развернуться и сбежать, но куда убежишь с больной ногой? Нацик схватил парня за ворот формы и втащил в коридор, задвинув запор на двери.

Когда боец прошёл в комнату, освещённую единственной тусклой лампой под потолком, и развернулся, ожидая встретить свою смерть, то застыл на месте: перед ним в форме украинского солдата стоял его двоюродный брат Иван! Иван тоже замер от неожиданности. Кого-кого, но Алексея увидеть в этом просящем ночлега ополченце он не ожидал.

Так они и стояли друг против друга какое-то время, пока хозяйка дома не окликнула их:

- Чего стоять-то? В ногах правды нет. Садитесь уже! По-кормлю вас обоих.

И пошла на кухню хлопотать об ужине для своих непрощенных поздних гостей.

- Не думал тебя тут встретить, - сказал Иван.

- А я тебя. Особенно в этой форме.

- Что ты хочешь этим сказать? Чем тебе не нравится моя форма? Твоя лучше, что ли?

- Просто я думал, что ты наш, донбасский, а оказалось, что киевлянин. Или, того хуже, из самого Львова...

- Донбасс – это Украина. Не забывай, брат.

- Была Украина до 7 апреля прошлого года, пока бандиты с майдана не начали АТО.

- А почему начали, забыл? Это же вы пошли против власти!

- Кого ты называешь властью? Этих уродов, купленных Европой и захвативших власть? Это ваши правые секторы и прочая шушера – обычные бандиты.

- А вы сепаратюги всех мастей. Собрали сброд со всего света, мать вашу! Донбасс спасать!

- Наши сепаратисты – это такие, как я, парни, кто из шахты пришёл, кто с заправки, а кто и петь в театре бросил, пошли родную землю защищать.

- Только не надо мне вашей пропаганды! Наслушался! Один Киселёв чего стоит. – Иван сел к столу, пододвинул второй стул брату. – Садись. На такой ноге долго не выстоишь. Что с ногой-то? Ранение?

- Поскользнулся, упал, гипс, - пошутил боец.

- Дурак! И всегда дураком был. Какого лешего тебя на эту войну потянуло?

- А тебя? Меня-то понятно, чего. После того, как мать едва живая осталась под вашими Градами. Ехала на работу, а автобус её и накрыло. Шахтёры заставили водителя остановиться, сдрейфили, выскочили на улицу, а женщины сказали: гони! Мчался водила вовсю, потому и спаслись, только стёкла в окнах автобуса повывлетали да кому-то осколками лицо попортило. Это как, по-твоему, нормально: бить по автобусам? Убивать не военных, а мирных? Моя мама твоим укропам что плохого сделала? Вот тогда я и решил, что пойду в ополчение.

- Может, это и не наши грады были, а как раз ваши! Вы там мастера под нас косить и самих себя обстреливать! Смотрел по телеку!

- Это по вашим порошковским каналам такое показывают? Ну что же, брату не веришь, так олигархам своим толстожим верь, они тебе и не такое расскажут!

- Хватит! Не хочу твои байки слушать.

- А ты помнишь тётю Валю, жила в нашем подъезде?

- Какую именно? У вас там две тёти Вали.

- Рыщенко, мамину подругу, крановщицу с флюсо-доломитного.

- Ну, помню...

- Её-то за что убили? Снайпер ваш убил, разрывной пулей. После отпуска первый день на работу вышла. Вот ты

мне скажи: может снайпер через свой прицел не видеть, что стреляет в женщину? Не в бою, не на позиции, а на работе, во дворе комбината! Какой сволочью надо быть, чтобы в женщину выстрелить? Двое детей у неё осталось...

- Где доказательства, что снайпер наш?

- А чей ещё? Там, на отвалах за городом, только ваши и сидят. Никак город в покое не оставят. Или ты хотел, чтобы на пуле было написано «ВСУ»? Это для тебя доказательство?

Хозяйка дома принесла из кухни кастрюлю с подогретым борщом, поставила на стол две глубокие полумиски, наполнила их, нарезала хлеба и, пододвинув к братьям, сказала:

- Ешьте. Наговоритесь ещё.

Алексей поблагодарил и взял в руки ложку. Война войной, а голод – не тётка. Ел неторопливо, думая, что это, возможно, его последний ужин в жизни. Иван, хлебая борщ, в продолжение разговора бросил:

- Наши такого не делают!

- Ваши... - отозвался спустя какое-то время Алексей, - Этим летом я был ещё дома, после подготовки на полигоне. Приехало к нам из России несколько парней на помощь, не военные, служить им не приходилось раньше. Был среди них один пацан, совсем зелёный. И пристала к нему какая-то девчонка, познакомились. Потащила его в посадку, говорит, побудем наедине. Он, дурак, пошёл, только одного из своих друзей предупредил, что отлучится ненадолго. Ки-

нулись – парня нет, стали искать. Друг его и говорит: он в посадке с девчонкой. Пошли в посадку, наткнулись на него: сидит, спиной к дереву прислонился, будто задумался о чём-то. Друг бросился к нему, схватил за грудки, а там, под одеждой, во вспоротом животе мина. И подорвался вместе с убитым, оторвало парню обе руки, а нас только волной отбросило. Вот такие они, ваши, и это тебе не Киселёва слушать, а то, что я своими глазами видел. Ещё и девчонок используете для своих грязных дел!

Борщ доели, сели у жарко затопленной печки; октябрь был холодным и сырым, приходилось и печку уже топить. Нога Алексея ныла, он старался её не беспокоить. Старушка подошла, поглядела на ногу, покачала головой и вдруг предложила:

- Давай, милый, посмотрю. Может, и помогу. Раньше-то я часто и вывихи вправляла, и связки на место ставила. Только давно уже этого не делала, позабыла. Руки вот только ещё что-то помнят.

Сморщенными суставчатыми, но ещё сильными и цепкими пальцами она осторожно прошлась сначала по колену, потом опустилась до лодыжки, сказала:

- Потерпи немножко.

И вдруг резко надавила в одной точке, отчего раздался сухой треск, что-то щёлкнуло, и боль сразу же отступила, нога успокоилась.

- А теперь посиди и ногой не дёргай. До утра всё пройдёт!

Алексей не знал, как её и благодарить. А Иван, окинув взглядом ногу брата, довольно сказал:

- Вот и хорошо! С рассветом пойдём с тобой. Мне тоже искать своих надо, машина моя разбилась, и пришлось топтать этими полями не один километр. Хорошо, что вместе будем.

Алексей взглянул на брата насмешливо:

- Вдвоём? Только если мы к твоим выйдем, то меня они сразу же расстреляют, или повесят где-нибудь на суку, а может, к БТРу пристегнут и начнут таскать по земле, как уже не раз так делали. А если к моим попадём, тоже не сладко придётся. Боюсь, что после всех ваших зверств они не оставят тебя в живых. Что такое ваш бандеровский садизм, Донбасс хорошо узнал. Наглопались, будь здоров.

- Так что же получается? – Иван в замешательстве уставился на брата. – Выходит, мы вместе только до рассвета? А потом – каждый своей дорогой?

- Выходит, что так...

Задумались оба. Потом Алексей слегка дрожащим голосом промолвил:

- Я, как тебя увидел, всё время думал, почему нас свело тут, в этой хате. Я ведь почти год не видел тебя, от матери только немного узнавал, но и она не в курсе, что ты за них воюешь. Мы теперь враги, живём в разных государствах и между нами война. Выходит, что встретились мы, чтобы попроситься. Может, другой такой возможности уже не будет.

Когда мама сказала мне, что ты сбежал из родного города, я сначала даже не поверил. Ты же был против майдана! Ты даже к коммунистам ходил, в их партию вступить собирался. Мы ещё шутили над тобой! Когда майдановцы с оружием несколькими автобусами ехали к нам в Донбасс, ты стоял на площади, собирался город родной защищать, даже у памятника Ленину дежурил. И вдруг на тебе! Воюешь в ВСУ!!! Ты уехал после того, что случилось под Благодатным, где укрыли разбили свой же блокпост, а свернули всё на ополчение. Тёмная это история. Может, и узнаем когда-нибудь правду. Одно ясно: кому-то очень надо было в Волноваху втащить украинскую армию, а поводов не было. Ополчение наше ваш город не обстреливало, жалели людей, ведь считали его жителей своими. Да и техники такой у них тогда не было, чтобы на сорок километров доставала. Вот и придумали укрупы очень хитро: послали к блокпосту два автобуса Приватбанка, в таких инкассаторы Коломойского деньги возят. Вышли из автобусов мужики в чёрной форме, без знаков отличия, в балаклавах, и стали из автоматов шмалять по солдатам из блокпоста. Многих положили. Но не знали они, что в лесопосадке снайпер. Вот этот снайпер их и грохнул, влипнул по бензобаку автобуса – тот и взорвался. Уцелевшие из другого автобуса вызвали подкрепление: военные вертолёты, и те уже носились над посадкой, добивая выживших. Всё это есть на видео, которое стримом шло в интернет с телефона одного из солдат. Так что, фейком это назвать не удастся, и

российской пропагандой тоже. Или ты не видел его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.